

Отец Линь знал, что у его старшего сына должно быть что-то важное, раз в подобное время он привозит своего мужа домой. Он повел их в кабинет.

Линь Цинью махнул слуге, который подавал чай, чтобы тот удалился, а затем достал из рукава фарфоровую бутылочку. Он протянул ее отцу Линь и спросил: «Отец, вы узнаете этот аромат?»

Отец Линь откупорил бутылку и понюхал. После некоторого раздумья он сказал: «Этот аромат величественный, глубокий и основательный. Он стойкий. Почти как „Фэн Цю Хуань“, уникальный для дворца Фэнь».

[Примечание: Мужчина ухаживает за женщиной. Сделать предложение; заняться поиском пары. Есть стихи «Феникс ищет подругу» Симы Сянжу времен династии Хань, в которых рассказывается его история любви.]

Отец Линь, как Пань Юань Императорской лечебницы, хотя его официальное положение не было высоким, все еще считался членом внутреннего круга министров императора. Он лично заботился о здоровье императора и императрицы. Каждые три дня он ходил во дворец Фэнь, чтобы проверить пульс императрицы, так что ему был хорошо знаком запах Фэн Цю Хуаня.

Линь Цинью беспомощно улыбнулся.

«Это всего лишь „почти как“».

Лу Ваньчэн сказал: «Оказывается, ты был занят, пытаешься воссоздать благовония, которыми пользовалась императрица... Но как долго ты пробыл во дворце Фэнь? Это уже довольно хорошо - иметь возможность воссоздать его почти идеально».

Линь Цинью покачал головой.

«Этого недостаточно».

Благовония и лекарства имеют много общего. Он должен был быть способен на большее.

«Ты слишком требователен к себе. Ты можешь немного помягче относиться к себе, — убеждал его Лу Ваньчэн. — Если твоих требований к себе достаточно, чтобы жить, как живется, тогда бы это не отличалось от жизни, свободной от печалей и забот».

Линь Цинью холодно посмотрел на него.

«Неужели ты действительно должен изливать на меня свою чушь именно сейчас?»

Лу Ваньчэн улыбнулся и сказал: «Хорошо, хорошо, я был неправ. Не смотри на меня так свирепо в присутствии тестя. Иначе я буду выглядеть так, будто в этой семье у меня нет статуса».

Отец Линь наблюдал, как они подшучивают друг над другом, и понял, почему Лу Ваньчэн до сих пор жив. Это было действие рецепта, который он дал Линь Циньюй в тот день.

Линь Циньюй больше не хотел обращать внимания на кое-кого, и сказал: «Отец, не могли бы вы помочь мне получить образцы благовоний, используемых во дворце Фэньи, дворце Чанлэ и Восточном дворце?»

Отец Линь долгое время занимал должность Пань Юаня в Императорской лечебнице и наладил связи как в Императорской медицинской канцелярии, так и в самой лечебнице. Он придавал большое значение развитию таланта, и каждый молодой императорский лекарь, только что прибывший в Императорскую лечебницу, получал его наставления и руководство. Среди них есть особенно добрый и честный, трудолюбивый и любознательный новичок, выходец из бедной семьи. Он был принят в качестве его ученика, и отец Линь обучал его всем своим навыкам, надеясь передать свое мастерство следующему поколению.

Императорские лекари, не имевшие достаточной квалификации, могли лечить только евнухов и служанок во дворце. Его ученик, благодаря своим хорошим медицинским навыкам и хорошему темпераменту, был очень популярен среди дворцовых служанок и евнухов. Возможно, он сможет получить то, что хотел Линь Циньюй, от служанок трех дворцов.

Отец Линь сказал: «Может быть, я смогу попробовать. Но зачем тебе все это?»

Линь Пань Юань всю свою жизнь был осторожным, трудолюбивым и ответственным. Если бы он знал, что его старший сын и зять замышляют убить наследного принца, то не смог бы принять это. Линь Циньюй также не хотел вовлекать в это свою семью, поэтому просто сказал: «У меня есть для этого свое применение, так что отцу не следует спрашивать».

Отец Линь выглядел обеспокоенным, говоря: «Циньюй, независимо от того, что ты хочешь сделать, дела дворца – это не то, во что мы можем вмешиваться».

Линь Циньюй улыбнулся.

«Отец, не волнуйтесь. Я знаю меру».

Его «мера» была очень проста – просто жизнь Сяо Чэна.

Отец Линь кивнул и повернулся к Лу Ваньчэну.

«Это редкая встреча с молодым мастером Хоу, вы позволите мне проверить ваш пульс?»

Лу Ваньчэн вытянул руку, показывая запястье.

«Спасибо, тещь».

Всякий раз, когда отец Линь ставил диагноз своему пациенту, он никогда не позволял своим эмоциям отразиться на лице.

Пока Линь Цинью терпеливо ждал, то немного нервничал и был без причины встревожен. По правде говоря, в глубине души он очень хорошо знал, что, учитывая нынешнее состояние Лу Ваньчэна, какими бы превосходными ни были медицинские навыки его отца, это был всего лишь вопрос большего или меньшего времени. Ему не нужно было нервничать. Каким бы ни был результат, все это было в пределах его ожиданий.

Линь Цинью заставил себя успокоиться. Когда отец убрал руку, он спокойно спросил: «Отец, как он?»

Отец Линь многозначительно посмотрел на Линь Цинью.

«Ты изменил рецепт, который я тебе дал?»

«Да. Я заменил более токсичное и сильнодействующее лекарство относительно мягким клубнем виноградной лозы кудзу и ложным женьшенем. Воздействие не должно было быть слишком большим».

«Клубень виноградной лозы кудзу и ложный женьшень – хорошие лекарства. Но если ты смешаешь их с остальными травами, я боюсь...» — Отец Линь на мгновение замолчал и не продолжил говорить.

Лу Ваньчэн бросил обиженный взгляд на Линь Цинью.

Даже тещь знал о его импотенции. Это было не просто немного неловко.

К счастью, отец Линь не слишком беспокоился по этому поводу.

«Сегодняшний день отличается от прошлого. Учитывая нынешнее состояние молодого мастера Хоу, более мягкие рецепты не могут побороть его недуг. Если ты хочешь продлить время, ты можешь только использовать сильнодействующие лекарства».

Лу Ваньчэн спросил: «Что произойдет, если я приму сильнодействующее лекарство?»

Отец Линь и Линь Цинью переглянулись, но ни один из них не произнес ни слова.

Лу Ваньчэн понял и с улыбкой сказал: «Тогда давайте не будем этим пользоваться. Я очень боюсь боли».

Раздался стук в дверь, и из-за нее донесся звонкий голос Линь Цинхэ: «Папа, гэгэ, Ваньчэн-гэгэ, мама говорит, что пора ужинать».

Линь Цинюй открыл дверь и сказал: «Цинхэ, помоги Ваньчэн-гэгэ добраться до главного зала».

Лу Ваньчэн намеренно спросил Линь Цинхэ: «А сможет ли Цинхэ справиться?»

Линь Цинхэ снова и снова кивал.

«Я смогу, точно смогу. Я очень сильный».

Когда они ушли, Линь Цинюй спросил: «Отец, неужели действительно нет другого выхода?»

Отец Линь вздохнул и сказал: «Пусть Наньань Хоу как можно скорее подготовится к похоронам, осталось не более, чем два месяца».

Двух месяцев им хватало, чтобы прервать презренное существование Сяо Чэна.

Линь Цинюй закрыл глаза и сам себе сказал: «Я понимаю».

Лу Ваньчэн и семья Линь поужинали вместе. Матушка Линь беспокоилась о больном госте и специально приказала повару приготовить много не жирных и легкоусвояемых блюд. Отец Линь завтра уезжал в Юнлянь, и эта трапеза тоже была подготовкой для него.

Лу Ваньчэн, казалось, был в хорошем настроении, и с его губ не сходила улыбка. Он даже часто двигал палочками для еды. Он накладывал себе на тарелку по чуть-чуть, и ему не потребовалось много времени, чтобы его тарелка была наполовину полной.

Линь Цинюй знал, что Лу Ваньчэн теперь почти ничего не мог есть, кроме рисовой каши. Он сделал это только потому, что не хотел портить им радость встречи.

Но, очевидно, это больше портило именно его настроение, иначе, почему у него не было аппетита перед лицом кучи его любимых блюд?

Во время трапезы отец Линь упомянул о своем ученике в Императорской лечебнице: «Я попросил слугу пойти к нему домой и передать сообщение, попросив его прийти к нам в дом завтра. Если у тебя будут какие-то указания, просто дай ему знать».

Линь Цинъюй кивнул и сказал: «Хорошо».

«Цинъюй», — тихо позвала мать Линь, указывая ему на Лу Ваньчэна.

Голова сидящего в инвалидном кресле Лу Ваньчэна была слегка повернута набок, глаза закрыты, выражение лица спокойное, а рука... все еще держала серебряные палочки для еды.

Семья Линь посмотрела друг на друга и с молчаливым пониманием тоже отложила свои палочки для еды. Линь Цинхэ осторожно окликнул: «Ваньчэн-гэгэ?»

Линь Цинъюй сделал жест «Тише!» и тихо сказал: «Он просто заснул».

Лу Ваньчэн устал от поездки в экипаже из резиденции Наньань Хоу в резиденцию Линь, завершившейся долгой дискуссией, и теперь смог заснуть в середине воссоединения семьи.

Линь Цинъюй поманил Хуань Тун и Хуа Лу: «Отведите молодого мастера Хоу в комнату для отдыха».

Хуань Тун спросил: «Молодой господин, в какую комнату нам его отвести?»

Линь Цинъюй был ошеломлен.

Мать Линь сказала: «Цинъюй, твоя комната прибрана. Молодой мастер Хоу будет жить с тобой в одной комнате, или..?»

Линь Цинъюй поколебался мгновение и сказал: «Пусть он останется в комнате для гостей».

В резиденции Хоу была причина, по которой он терпел неудобства, спя на луохане в одной комнате с Лу Ваньчэном. Теперь, когда они вернулись в его дом, им, естественно, больше не нужно было спать вместе.

Что касается причины, по которой он был готов спать в одной комнате с Лу Ваньчэном, то сначала он хотел заткнуть рот Лян Ши, а затем... Вероятно, потому что он привык и был слишком ленив, чтобы переехать.

Неожиданно он более года хранил такую дурную привычку.

Линь Цинъюй поручил Хуань Туну и Хуа Лу присмотреть за Лу Ваньчэном в гостевой комнате, пока сам отдыхал в своей спальне. Сколько он себя помнил, он спал в этой спальне – до тех пор, пока не надел свадебное одеяние и через брак не вошел в резиденцию Хоу.

Комната была чистой и безупречно прибранной, а обстановка была точно такой же, как он помнил. Но он все равно чувствовал что-то странное. Если бы между кроватью и луоханем была ширма с играющими в воде утками-мандаринками...

Линь Цинюй заставил себя больше не думать об этом. Он задул свечу и заснул в одиночестве.

Рано утром следующего дня отец Линь попрощался со своей женой и детьми и отправился в путешествие в Юнлян в сопровождении нескольких воинов семьи Гу. Никто не пошел будить Лу Ваньчэна, но тот проснулся сам, и даже раньше, чем Линь Цинюй. Он один засвидетельствовал свое почтение отцу Линю, а затем вместе с семьей Линь проводил его до экипажа.

Линь Цинюй спросил: «Почему ты сегодня так рано проснулся?»

«Думаю, это из-за того, что вчера я рано лег. — Лу Ваньчэн неторопливо сказал: — Разве не хорошо проснуться немного раньше? Это избавит тебя от жалоб на то, что я слишком много сплю».

Линь Цинюй сделал паузу и сказал: «Сейчас я не возражаю против этого. Спи столько, сколько захочешь».

Лу Ваньчэн прищурил глаза, глядя на первые лучи утреннего солнца, которые он давно не видел. Он сказал: «В будущем будет время поспать, теперь можно спать меньше».

Линь Цинюй стоял рядом с инвалидным креслом, некоторое время наблюдая вместе с ним за восходом солнца, а затем сказал: «Давай войдем».

Линь Цинхэ давно достиг возраста обучения в школе, и ему приходилось ходить в школу по будням. Мать Линь подумала, что, поскольку Линь Цинюй так редко возвращался, она должна дать своему младшему сыну несколько выходных дней, чтобы два брата могли провести время вместе. Кто бы мог подумать, что со своим братом Линь Цинхэ будет расслаблен не больше, чем в школе. Он повторял свои уроки и записывал слова, ни одна вещь не была пропущена.

Лу Ваньчэн посмотрел на двоих – одного большого и одного маленького – усердно работающих. Не зная, куда себя деть от скуки, он тоже взял кисть и что-то намалевал на бумаге. Когда Линь Цинюй выслушал декламации Линь Цинхэ, он поднял глаза на Лу Ваньчэна и увидел, что тот зевает, держа кисть в руке. Встретившись с ним взглядом, он повернулся и остановился, а затем спокойно достал из-под одежды буяо*, умело вращая его.

[Примечание: Женское украшение для волос, которое Линь Цинюй купил для Лу Ваньчэна.]

Линь Цинхэ привлекла новизна, он потянул Линь Цинюй за рукав и сказал: «Брат, я хочу научиться этому».

Линь Цинъюй холодно сказал: «Нет, тебе нельзя».

Линь Цинхэ выглядел очень разочарованным, и Лу Ваньчэн подмигнул ему.

«Все хорошо, позже я тайно научу тебя».

Линь Цинъюй: «...»

Вскоре после этого матушка Линь приказала своей момо передать им сообщение. Она приготовила несколько закусок и попросила трех молодых мастеров съесть немного, прежде чем они продолжат усердно работать. Линь Цинхэ нетерпеливо спросил: «Гэгэ, можно мне отдохнуть?»

Линь Цинъюй слегка улыбнулся и сказал: «Вперед».

Линь Цинхэ радостно взял момо за руку и ушел.

Лу Ваньчэн спросил: «Ты не собираешься есть?»

Линь Цинъюй посмотрел на слова, которые только что написал Линь Цинхэ, и сказал: «Я не голоден».

Лу Ваньчэн некоторое время смотрел на него и сказал: «Цинъюй, мне придется сегодня спать в комнате для гостей?»

Сердце Линь Цинъюй дрогнуло, и он спросил: «Ты плохо спал в гостевой комнате?»

Лу Ваньчэн медленно сказал: «Нет, дело не в этом».

Он собирался сказать что-то еще, когда услышал, как Хуань Тун доложил снаружи: «Молодой господин, здесь императорский лекарь Ху».

Ху Цзи, императорский лекарь, был учеником, о котором говорил отец Линь.

«Попроси его пройти в главный зал и немного подождать. — Серьезные дела были важны, но Линь Цинъюй не забыл, что Лу Ваньчэну как раз пора выпить лекарство. — Хуань Тун, отведи молодого мастера Хоу в его комнату, чтобы выпить лекарство».

Лу Ваньчэн со сложным выражением на лице посмотрел на быстро удаляющуюся спину Линь Цинъюй. Хуань Тун подошел к нему и сказал: «Молодой мастер Хоу, позвольте мне отвезти вас обратно в вашу комнату».

Лу Ваньчэн долго молчал. Внезапно он улыбнулся и прошептал: «Хуань Тун, что мне делать, если я немного подавлен?»

Хуань Тун озадаченно спросил: «Почему молодой мастер Хоу несчастен?»

Лу Ваньчэн немного подумал и не совсем уверенно сказал: «Похоже, потому что... Я – единственный, кому неудобно и непривычно».

Переводчику есть что сказать:

ессо:

https://www.bilibili.com/video/BV1SZ4y1N7e9/?spm_id_from=333.788.recommend_more_video.6

На свете есть такая красота —

Увидишь и вовек не забываешь.

Лишь день не встретишь — и уже беда,

Подумаешь — и разум потеряешь.

Как феникс-муж зовет свою жену,

Мир облетая в поисках любимой —

Так вижу я теперь ее одну,

И без нее мне жить невыносимо.

О, друг мой цинь, слова мне замени,

Скажи про все, что в сердце я скрываю!

От всей души признания мои,

С ней об руку вперед идти мечтаю!

Когда же доведется повидать?

Когда страданиям будет утешенье?

Неужто с ней мне в небе не летать?

Но если так — погиб я, нет спасенья!

Перевод Александра Родсет

<http://bllate.org/book/15122/1336647>